

Ерофеев Венедикт Вас.

25.7.92.

Российская газета - 1992 - 25 июля - с. 4

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Как только пройдут холода...

О неизвестных подробностях из жизни Венедикта Ерофеева рассказывают его письма к сестре

К великому счастью, Венедикт Ерофеев успел при жизни испытать признание и славу у соотечественников. Пусть гораздо позже, чем к зарубежным читателям, к нам пришли его замечательные тексты, которые хочется цитировать. Автор необыкновенной поэмы «Москва — Петушки», кажется, подробнейшим образом изложил в этом во многом автобиографическом произведении свою жизнь и судьбу. Но эпистолярный жанр по своей природе способен приоткрыть самые сокровенные мечты и мысли человека.

В письмах к старшей сестре — Тамаре Васильевне Гуциной приоткрывается не только известный Венедикт Ерофеев, но и Венедикт Ерофеев, доселе неизвестный.

Предлагаем вниманию читателей отрывки из писем писателя к его сестре. Полностью письма Венедикта Ерофеева к Тамаре Гуциной будут опубликованы в сентябрьском номере журнала «Театр».

18 января 1966

Караваеву. В канун Крещения.

Поздравьте меня, Тамара Васильевна, ровно 15 дней тому назад у вас стало больше племянников, чем их было 16 дней тому назад. Его назвали Венедикт (Ерофеев), назвали впопыхах (и многие считают, что неудачно, — история, впрочем, рассудит), экспромтом, поскольку ждали Анну, а Венедикта не ждали.

В. Ероф.

Караваеву, Петушинского, Владимирской. Школа.

15 марта 1966

Младенец растет, ему уже 1344-й час, он толстый и глазастый, как все малыши, но ни на одного из них я еще не глядел с таким обожанием... Самое располагающее в нем — его дешевизна. За 73 дня своей жизни он обошелся мне дешевле, чем обходится порознь каждый «музыкальный четверг» во Владимире или «литературная пятница» в Москве.

Служба моя такова, что я бываю здесь ежемесячно; то есть, например, так: три июньские недели — в Тамбове, четвертая — в Караваеве; три августовские недели — в Орле, четвертая — в Караваеве; три и так далее. Вплоть до февраля, месяца повальных отпусков. Это не коммивояжерство, это «служба в специализированном управлении связи по измерению и приему междугородных кабельных линий связи» (Управление — в Москве), и это уже давно и надолго. «Путешествую, — сказал бы твой Флобер, — делаясь скромнее: убеждаешься, как мало места занимаешь ты во Вселенной». Но это неважно. Поскольку я от рождения энциклопедичен, я занимаюсь одновременно историей современной музыки, воспитанием определенного круга владимирских и московских юнцов, теорией кабельного симметрирования и католической философией...
Ер.

11 февраля 1976

Тамара Васильевна, мое почтение. Так вот, я тебе, покороче и поделнее, о том, что у меня свежего за эти минувшие полгода. Уместнее, конечно, начать вот с чего: через 12 дней, 21 II, состоится мое второе по счету бракосочетание (Носова, Галина Павловна, сотрудник ЦСУ, кандидат экономических наук, моложе меня тютедька в тютедьку на два с половиной года, то есть 24/IV—41 г.). За десять дней до Нового года я уже получил на это санкцию от загса

Фрунзенского района Москвы, ровно два месяца эти убогие мозгляки дают на размышление... Нину Фролову я решил (по зрелому «размышлению» опять же) не очень приглашать, поскольку она злейший враг всякой богемности и всякого покушения на «строгую обидность» (цитирую Аракчеева), а если учесть, что у меня на банкете 21/II будут Евг. Евтушенко (натура, мягко говоря, импульсивная и без единого царя в голове) и Вл. Высоцкий (его присутствие, правда, проблематичней в связи с субботними спектаклями и пр.), не считая многих других, — участие Нины Фроловой будет вносить диссонанс и что-нибудь еще...

С Запада обнадеживающие новости. В начале октября мы провожали в Вену отъезжающих в Тель-Авив супругов Белгородских. Они застряли в Вене по случаю беременности и два раза в месяц навизитуют. Так вот: мои издания на Западе все же уже не так химеричны, как мне прежде казалось. Вот только те издания, которые они знают: Тель-Авив (на русском языке), перепечатка на русском же языке в альманахе «Мосты» (Мюнхен), на французском языке в обозреваемом и урезанном виде (звонил по этому поводу и жаловался Иоффе из Франкфурта-на-Майне, и Делоне из Вены, и Белгородская из Вены, и Виктор Некрасов из Лондона. Последнего ты знаешь, это автор «В окопах Сталинграда» и прочего, два с половиной года как эмигрант) и еще одна публикация — поглавам, растянуто, на итальянском языке в журнале «Эспрессо». Виктор Некрасов, кстати, умолял целых две минуты перестать пить и заняться литературным делом. Смешнее всего то, что два дня спустя позвонил участковый 108-го отделения милиции Фрунзенского района и требовал того же самого, с той только разницей, что он, как Тамара Гуцина, избегал разговоров на темы литературных дел.

В. Ер.

5 августа 1976

Тамара Васильевна, добрый день...

У меня так: раз в неделю вылеты на север, восток и северо-восток от реки Воронеж, и раз в неделю возвращение на базу. Экипировка такая: рюкзак за спиной, накомарник на морде, радиометр на груди, болотные сапоги снизу, сверху компас и бинокль. Дал согласие американцам на печатание своих «Петушков» в нью-йоркском издательстве и в издательстве университета штата Массачусетс (переговоры вела Галина, и авторские амбиции тут важнее обещанных 25 тысяч долларов). Круг чтения мал и разнолик (Бюффон, Перикл из серии ЖЗЛ, Заболоцкий, история Италии, Вильмонт о Шиллере и пр.). Купаюсь в море морюшки («двадцать лет спустя») настроение превосходное, наш патрон профессор Минц интеллигентен в высшей степени и по-хорошему умен. О подробностях после.
Ероф.

8 июня 1978

У нас покуда все более или менее ладно и спокойно. В Москву я с середины мая почти не появляюсь, разве что за крайней надобностью, то есть безвылазно в Абрамцево на даче. С головой ушел в свои огороды, грядки, навозы, перегоню, дрова, расчистку леса, книги, писанину и десятиверстные прогулки.

Австрийское издательство «Бронзовый век» предложило мне что-нибудь им дать для зальцбургского альмана-

ха (с параллельным русским и немецким текстом). Я, за неимением ничего свежего, дал согласие на печатание своего эссе о Розанове, в 35 страниц, вещь трехлетней давности. Это будет уже моя «двенадцатая держава». Так что мы настроены перспективно и куча планов.

2 ноября 1978

Тамара Васильевна! (Конечно, бездна извинений за молчание, но это уже такая традиция, что и говорить не стоит). Благодарность от меня и от Галины за вашу телеграмму и двухтомник большевистских поэтов. «Даренным коням в зубы не бьют», как выражается один мой приятель, но двухтомник так бездарно составлен, что я в самые ближайшие дни установлю, что это за скотина... (установить-то нетрудно). День рождения был так многолюден, что без эксцессов не обошлось. Схлестнулись крайне правые диссиденты и экстремисты — левые. Мордобой длился не больше двух минут, но все равно за полночь это все несколько омрачало. Если вся эта шушера диссидентина будет и впредь вести себя так суетно-злобно и невеликодушно, я, чего доброго, вступлю в Партию. По свидетельству всех, кто был, я, грешник, был самым уравновешенным и расторопным (да еще и самым трезвым — Галина в конце письма подтвердит, — да еще в парижском новом костюме). Много за эти дни пришлось провозжать — туда, разумеется. Страшно грустно их провожать (Ал. Зиновьев в Мюнхенский университет. Исаак Гиндис в Тель-Авивский университет и др. и др.). Смешно было в день отъезда Шатуновских, я помогал упаковывать их семь чемоданов в Шереметьевском аэропорту, таможенники бестактны и безлики, один спросил: «Что же вы так не профессионально упаковываете грузы? Вам ведь тоже, вероятно, понадобится такая сноровка?» (при этом взгляд, который им самим кажется высшей степенью пронзительности и сарказма). Я, дурачок, ответил: «Не-а, мне никогда не понадобится». Мне в самом деле, что бы с Россией ни случилось, не понадобится...

Маленькие радости: по случаю сорокалетия открытки из Вены, из Парижа от Виктора Некрасова и др. Литературные заказы еще от двух издательств. Еще маленькая радость: пока я тебе пишу, ставят телефон (пишу под стуки этого полупьяного телефонного сброды)... В дачу, чтобы окончательно ее купить, надо вложить еще около тысячи. Я решил продать свою дубленку (они теперь подскочили в цене, как таксомоторы, кофе, коньяки и пр.), то есть за полторы тысячи. Зачем мне, собственно, нужна дубленка? Во имя пустынной ажиотажности? А абрамцевская дача мне нужнее. Вот сегодня синоптики обещали завтра относительную безоблачность, так я завтра с утра туда двину, с бумагами и книгами.

Да. Вот что. Если есть хоть малюсенькая возможность подписаться на графа Толстого (может быть, через Юрия?), сделай милость, мы с Галиной поклонимся тебе в пояс. Это совсем не блажь (сколько уж недель об этом толк: сумеет там Васильева или не сумеет?).
В. Ер.

22 марта 1979

Меня загрузили бездной интересной литературы, но все ненадолго, поэтому пишу: История Французской Революции виконта де Бро-

ка (что там Франс со своими «Боги жаждут!» Ты бы послушала!), неизданная переписка Цветаевой, Даниил Хармс, мемуары Антона Иваныча Деникина и пр. и пр. С издательскими делами у меня все ровно, недавно получил отзывы американской печати и письмо из Австрии о новой моей штучке. Вот что плохо: 21 февраля в 19.45 и 22 февраля в 18.20 обо мне очень вольно (хоть и благожелательно-восторженно) толковала «Немецкая волна» из Кельна. Галина случайно 21/II включила, была польщена, но больше обеспокоена, чем польщена. Как только пройдут холода, плону на все это столичное и уеду в Абрамцево, с книгами, кропать бумагу и колоть дрова... Всем поклонь.
В. Ерофеев.

27 ноября 1989

Новостей пропасть, но я только об их десятой доле: недели через две после твоего отъезда, совершенно измотанный кинооператорами, коньяком и интервьюерами, сбежал из Москвы и воспользовался приглашением Сергея Толстого занять до 15 мая его дачу. Дача колоссальная, участок исполинский — березовая роща в основном. Еще месяц назад трясали яблони антоновки, а теперь всё в неслышанной для этой поры толще снегов. Но ведь я, умница, заказал на зиму сухих дубовых дров, у меня в доме сейчас трещат три голландские печки, и я весь в бумагах и прессе отечественной и заморской. От гостей я все-таки сбежать не сумел: на день рождения нагрянули с аппаратурой «Ленфильм», Внешторгкино и специально приехавшая (!) из Лондона Биби-си. 21 и 22 окт. был подряд на двух премьерах: в театре Спесивцева и в театре МГУ. Авангардистскими потугами Спесивцева остался весьма недоволен и высказал это снимающей спектакль телепрограмме «Взгляд» (22-го). Однако этот спектакль хвалят во всех рецензиях, даже по телевизору 19 и 20 октября. И в программе «Добрый вечер, Москва» 16 ноября.

Гости в Абрамцево почти постоянны: из Латвии, Эстонии, ФРГ, Польши, Харькова, Горького и прочее (см. номер «Сов. культуры» от какого-то октября «Театры гибнут за металл»). Неделя назад были гости из Штатов, понавели мне кучу подарков, книг, в том числе толщиной в 310 страниц докторскую диссертацию обо мне, Гарвардский университет, издана в Берне, Франкфурте, Нью-Йорке, Париже. Короче, сюрпризы каждый день...
В. Ер.

14 декабря 1989

Добрый день, Тамара, получил твое письмо только позавчера...

В Абрамцево благодать. И я уже второй месяц из него не выезжаю, занят прогулками и делом. В последний раз выехал в столицу 10 ноября (в День советской милиции!) по случаю большого банкета в ЦДЛ, я оказался в скоплении чрезвычайно милом: слева Булат Окуджава, мы с ним были весь вечер уже без всякого отчуждения, он (вслед за Ю. Черниченко, напротив сидевшим и провозгласившим почти вставанием с бокалами памяти В. Каверина) дважды объявлял тост за мое здоровье. (И опять вставание). Познакомился с очень многими, в том числе с совершенно слепым Давидом Самойловым. Как тебе понравились новые назначения двух людей, звонивших мне 31 декабря прошлого года? — я имею в виду профессора Краковского (Ягеллонского) университета Анджее Дривича и режиссера Губенко, чью длинную телеграмму ты когда-то переписывала. Волею судеб первый возглавил Польское телевидение и радио по настоянию своего друга Т. Мазовецкого (см. интервью с обоими в «Совкультуре» за 25/XI и какого-то декабря). Второй волею тех же судеб и тоже по настоянию премьера (Коли Рыжкова) стал министром культуры СССР. Позвонят теперь 31 декабря?

Уморительные статьи и рецензии пишут о моем брате в «Вечерней Москве», в рижском «Роднике», в «Медицинской газете», в «Московской правде», в «Московском литераторе», в «Московских новостях» и прочее.

...Приглашений много: кроме прежних нью-йоркских, тель-авивских, лондонских, варшавских, пражских прибавилось еще одно — получил вместе с твоим письмом — венецианский. Но прежде надлежит за зиму «просохнуть» и выправить морду...

Публикация
Тамары ГУЦИНОЙ.